

УДК 32

DOI 10.46698/VNC.2022.85.18.001

М.А. Гассиева

Мадина Александровна Гассиева

Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.В. Ванеева, старший научный сотрудник, г. Цхинвал; Горский государственный аграрный университет, доцент кафедры философии и истории, кандидат философских наук, г. Владикавказ, Россия, e-mail: madinakoritina@yandex.ru

Современная югоосетинская историография и ее «неудобные темы»

Аннотация. Рассмотрены аспекты изучения «неудобных тем», которые в советской науке не нашли своего объективного отображения, оценки и осмысления. В 90-е годы рассекречиваются архивы, пересматривается история советской действительности. «Неудобные» в прошлом вопросы становятся самостоятельным объектом изучения в историографии, в том числе в югоосетинской. В научной литературе и публицистике появились работы, осмысливающие геноцид южных осетин в 1920 году и необоснованные политические репрессии в 1937–1938 гг.

Ключевые слова: «неудобная тема», геноцид 1920 года, сталинские политические репрессии, дискриминация народа, право народа на самоопределение.

Madina A. Gassieva

Gorsky State Agrarian University, Associate Professor, PhD, Russia, Vladikavkaz, e-mail: madinakoritina@yandex.ru

Modern South Ossetian historiography and «uncomfortable topics»

Abstract. The aspects of the study of "uncomfortable topics", which in Soviet science have not found their objective reflection, evaluation and comprehension, are considered. In the 1990s, archives were declassified, and the history of Soviet reality was being revised. "Uncomfortable" questions in the past are becoming an independent object of study in historiography, including South Ossetian historiography. Scientific literature and journalism have published works interpreting the genocide of South Ossetians in 1920 and unjustified political repression in 1937–1938.

Keywords: «an uncomfortable topic», the genocide of 1920, Stalinist political repression, discrimination of the people, the right of the people to self-determination.

Советский период историографии репрессий отличается идеологизированностью. С методологической точки зрения все попытки исследования «неудобных тем», таких как репрессии сталинского времени, кулачество и другие, были однобоки и скудны. Репрессивная политика, как и раскулачивание, одобрялась и обосновывалась как борьба с «враждебными элементами» и классами и считалась полностью оправданной. Историческая мысль ограничивалась рамками официальной идеологии вплоть до середины 1980-х годов.

С середины 1980-х годов пересматривается история советской действительности, критически оценивается социально-экономическая, политическая система власти, ее ценности и взгляды, констатируются идеологические перегибы государства. Тема политических репрессий в конце XX столетия становится самостоятельным объектом изучения в историографии, ею заинтересовались историки, философы, публицисты и др.

В 1992–1993 годах в стране начинается «архивная революция», так как рассекречиваются архивы ФСБ и МВД РФ, с которыми знакомятся многочисленные российские и зарубежные историки. Вместе с разоблачительными публицистическими статьями появляются первые исследования, имеющие серьезный научный характер. Следует указать работы Д.А. Волкогонова, А.И. Зевелева, Р.А. Медведева, А.С. Ципко, В.В. Кожина, А.В. Антонова-Овсеенко, А.Л. Бутенко, Л.А. Гордона, Э.В. Клопова, Н.В. Петрова, Ю.Н. Морукова, А.И. Кокурина, К.В. Скоркина и др.

Российскими учеными была проделана огромная работа: публикации научных статей, монографий, справочников лагерей и репрессированных граждан. Основная цель их исследований – объективное изучение карательной политики советского государства. В современных условиях издано огромное количество разнообразной литературы о репрессиях, «врагах народа», «семьях врагов народа», самой пенитенциарной системе как обратной стороне советской действительности.

В новейшей истории Южной Осетии также начинают осмысливать «неудобные темы», которые в советское время тщательно затушевывались или расценивались как классовая борьба осетинского народа. К таким темам относится геноцид, учиненный меньшевистским правительством Грузии в июне 1920 года в Южной Осетии, и репрессивная политика в 1937–1938 гг.

Вплоть до конца XX – начала XXI столетия эти вопросы в исследованиях ученых Южной Осетии опускались и не получили практически никакого освещения. Исследователи лишь вскользь касались их при рассмотрении более общих исторических вопросов о борьбе трудящихся за установление Советской власти в регионе, о классовой борьбе и «ликвидации кулачества».

В постсоветской историографии Южной Осетии выделяются работы Т.В. Тадтаева «Национально-освободительная борьба в Южной Осетии в начале XX века. (1900–1922 гг.)», Г.Р. Гатикоева «Южная Осетия в борьбе за национальное самоопределение (1917–1922 гг.)», К.П. Пухачева «История геноцида осетин в 1920 году», в которых тема борьбы южных осетин получила исто-

рическое освещение и трактуется как борьба малочисленного народа за национальное самоопределение.

Политическое бесправие и национальная дискриминация южных осетин со стороны властей Грузии, утверждение тезиса о привилегированности грузин и второсортности осетин обостряют этническое противостояние. Грузинские исследователи рассматривают осетин как пришельцев, не имеющих ни своей территории, ни языка, ни культуры. Пренебрежительное отношение грузин к осетинскому народу получило свое воплощение в идеях националистического движения, требовавших их изгнания из Грузии: «Некоторые осетины переделали свои фамилии на грузинские и себя считают грузинами, многие уже не владеют осетинским языком, но не верят им. Выгоняйте их голодными и раздетыми. Они к нам ничего не привезли и не забрут» [1, с. 65].

Многочисленные просьбы и обращения Национального Совета Южной Осетии в адрес грузинского правительства о предоставлении автономии встречали категорический отказ со стороны Грузии. Апогеем противостояния считается 1920 год.

Исследование К.П. Пухаева «История геноцида осетин в 1920 году» раскрывает карательную операцию грузинской национальной гвардии против южных осетин. В ходе кровавой расправы погибло около 50 тысяч мирных жителей Южной Осетии, как непосредственно от рук грузинских карателей, так и в пути во время перехода через перевалы Главного Кавказского хребта. Люди в надежде спастись пытались перебраться в Северную Осетию, но гибли от голода, холода, болезней, так как в тот год вспыхнули тиф и холера.

В монографии К.П. Пухаева выявляются и исследуются факты, о которых в советской историографии нельзя было писать и тем более давать какую-то оценку. Это была табуированная тема в советской истории Осетии. Автор задействовал обширную источниковую базу, хотя и признавался, что, несмотря на обширный охват архивов (архивы Южной и Северной Осетии, Москвы), набор документов и материалов оказался весьма скудным. Тем не менее исследователь восстановил политические события, предшествовавшие геноциду 1920 года в Южной Осетии. К.П. Пухаев охватил события 1918–1920 годов, показав, как революционная борьба в Южной Осетии сменяется национально-освободительной. Поворотным моментом становится «Меморандум народа Южной Осетии, адресованный Миссиям держав Антанты в Закавказье», датированный 1919 годом. Лейтмотивом документа является идея государственного политического самоопределения южных осетин. После революции 1917 года в России Грузия обретает независимость и международное признание, и, укрепив свои позиции в новых политико-правовых условиях, она отказывается в этом южным осетинам.

В грузинском социуме активно насаждается национальная нетерпимость, осетины расцениваются как враги, второсортная нация, которые «должны были вступить в грузинскую государственность, отказаться от употребления своего языка в школе и в делопроизводстве. Когда Грузия не добилась своего путем убеждения, они пустили в ход насильственные меры» [2,

с. 73]. Власти Грузинской Республики летом 1920 года отправляют свою гвардию для смирения непокорного народа. Судя по кровавым событиям, это явилось попыткой уничтожения населения Южной Осетии.

«К моменту генерального боя вооруженные части Южной Осетии едва ли превышали 800 человек. 12 июня с 4 часов утра завязался упорнейший бой на подступах Цхинвала и тянулся до 2 часов дня на почти 10 верстах фронта. Враг ввел в бой все виды оружия одновременно. С дальней дистанции враг артиллерийским огнем поджигал близлежащие села. В конце концов, ему удалось прорвать центр, и повстанцы начали отступать» [2, с. 71–72].

В своей монографии К.П. Пухаев не только отражает фактический материал событий, но и обращается к воспоминаниям очевидцев, участников боевых действий, благодаря чему повествование переходит в художественный текст, образно воссоздающий кровавую расправу над мирными жителями Южной Осетии, которая после грузинской кровавой экспедиции лежала в руинах. В самом городе Цхинвал «... от зверств гвардейцев осетин не спасало никакое укрытие. Доносчики из числа местных грузин услужливо закладывали скрывавшихся в подвалах осетин. ... Практически все мужское население осетинской национальности, оставшееся в этом районе Цхинвала, было вырезано. ... Не поддается описанию кровавая вакханалия, которую учинили в городе грузинские кровопийцы. Гвардейцы расстреливали, рубили саблями, кололи штыками женщин, больных, немощных стариков. Младенцев убивали, ударяя их головой о каменные стены домов» [3, с. 130].

Отдельным разделом у автора рассмотрена казнь 13 коммунаров. Эмоционально описана борьба осетинских бойцов под командованием Мате Санакоева, которые противостояли грузинской гвардии, превосходящей их по численности и вооружению. Ценой своей жизни, на пределе своих сил и возможностей, они до последнего сопротивлялись, и только тогда, когда малочисленный отряд южных осетин накрыло артиллерийским огнем, командир М. Санакоев увел его на север. В своих воспоминаниях он напишет: «Дойдя до перевала, я остановился и долго смотрел на дымящиеся села. Сердце жалось от вида Рукского ущелья: все села горели» [3, с. 139].

К.П. Пухаев при подведении итогов дает развернутое описание всех причин поражения повстанцев, начиная от частных и заканчивая общими. Автор отмечает человеческий фактор, отсутствие политического сознания у лидеров повстанцев, единства и согласованности действий в вопросах определения целей, задач восстания и их реализации. Важной причиной поражения является тот факт, что большевики России не поддерживали южных осетин в их борьбе за самоопределение. Следовательно, отмечает с болью исследователь, исход борьбы был предопределен изначально.

Забегая вперед, К.П. Пухаев дает оценку и проводит параллель между политикой грузинских меньшевиков и большевиков в «осетинском вопросе». На наш взгляд, данная проблема требует особого объективного изучения, в силу чего выводы автора необоснованы и поспешны.

Конечно, необходимо отметить, что после физической расправы над южными осетинами, расцениваемой как геноцид народа, было опрометчивым шагом дальнейшее подавление их путем присоединения к ГССР. Также надо отметить, что Советский Союз не решил грузино-осетинские противоречия, а всего лишь их заморозил, что, бесспорно, стало предпосылкой дальнейшего обострения отношений, вылившегося с новой силой в этнический конфликт в 90-е годы.

Свое повествование о событиях 1920 года К.П. Пухаев заканчивает обоснованием факта геноцида осетин, подтвержденного документально. Он также дает объективную оценку истории того времени: «... Не революционная классовая борьба южных осетин, как было принято считать в советской историографии, лежала в основе трагических событий лета 1920 года, а их стремление к реализации широко декларировавшегося большевиками права на самоопределение» [3, с. 8].

Отдельной темой в монографии выделено художественное отражение геноцида осетин в произведениях осетинских писателей и поэтов. В конце книги приведены фотографии политиков Осетии, Грузии, участников тех драматических событий.

Монография К.П. Пухаева представляет собой первый глубокий и целостный подход к изучению геноцида 1920 года, новизна которого заключается в комплексном рассмотрении политических событий с привлечением широкого фактологического и художественного материала.

В работе Г.Р. Гатикоева «Южная Осетия в борьбе за национальное самоопределение (1917–1922 гг.)» отдельной темой научного исследования также становятся драматические события кровавого лета 1920 года. Исследователь отмечает, что среди правящей элиты Грузии и подконтрольных ей печатных изданий того времени не было ни одного случая осуждения варварских деяний меньшевистского правительства. «Только после победы Советской власти получили огласку факты геноцида осетин, но его масштабы существенно занижались. В современной же Грузии не принято говорить об ужасах, которые творились тогда в Южной Осетии. Историки и политологи этой страны, среди которых немало ученых советского времени, всячески оправдывают злодеяния своих предков, считая их фальсификацией и ложью. Даже договорились до того, что якобы осетинскому населению за нанесенный ущерб была выплачена компенсация» [4, с. 128].

Советская историография Осетии обходит репрессивную политику 1937–1938 гг., практически не дает ей никакой оценки, ни положительной, ни отрицательной, хотя в обществе эти годы оставили глубокий трагический след.

В историографии Южной Осетии популярностью пользуется шеститомное издание «Восстановление и развитие народного хозяйства Юго-Осетии. Сборник документов и материалов», где представлен фактический материал, отражающий основные вехи модернизационных преобразований по всем отраслям жизнедеятельности и культуры Юго-Осетинской автономной области. Данная работа имеет особое значение в югоосетинской науке, так как здесь собран и отражен

богатый документальный материал. Многие исследователи советского и постсоветского периодов Южной Осетии используют данный труд, а также активно ссылаются на него.

Разумеется, в сборнике по интересующему нас периоду («Развитие народного хозяйства Юго-Осетинской автономной области. Сборник документов и материалов (1930–1940 гг). Том II») нет ни одного упоминания о репрессиях. Руководители различных структур, видные представители Юго-Осетинской автономной области выполняли активную созидательную работу по развитию и строительству родного края в советский период, и многие из них были репрессированы. Вместе с тем следует отметить, что 1937 и 1938 годы в сборнике представлены событийно и отражают весь спектр модернизационных преобразований в ЮОАО. Это вопросы экономики, сельского хозяйства, строительства, культуры, здравоохранения и др.

В советской период выходят «Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии 1917–1921» (1957 год) и библиографический справочник «Борцы революционного движения в Юго-Осетии» (1987 год), в которых представлены сведения об активных участниках борьбы и установления советской власти в области.

В сборнике «Борцы революционного движения в Юго-Осетии» за 1987 год представлены данные о 512 участниках гражданской войны и революционного движения. Необходимо оценить кропотливую работу составителей, И.Н. Цховребов, А.В. Джиеова, З.Н. Кокоева, по сбору библиографических сведений. Заметим, что 1937 год стал роковым для многих бывших революционеров, и составители в силу известных обстоятельств молчаливо опускают этот факт. Исследования советского периода были крайне идеологизированы и носили ограниченный характер из-за цензуры. Только лишь в предисловии составитель сборника И.Н. Цховребов отмечает общей фразой: «Многие из юго-осетинских революционеров погибли во время революции, на фронтах гражданской и Отечественной войн. ... Большая группа юго-осетинских революционеров была казнена царским и меньшевистским правительствами. В их числе и 13 коммунаров. И в период репрессий в 1937 году погибло много юго-осетинских большевиков» [5, с. 8]. Однако в сведениях о революционерах мы зачастую видим одну и ту же дату смерти – роковой 1937 год. Тем самым дается молчаливое признание обстоятельств их смерти, хотя и без какого-либо осмысления или политической оценки их виновности.

В библиографических справках тех революционеров, которые были приговорены к лишению свободы и провели в лагерях от 8 до 10 лет, опускается факт заключения в пенитенциарном учреждении. Так, приведенные в справочнике сведения о красной партизанке Ольге Семеновне Плиевой выглядят вполне безоблачно и успешно. Она, окончив Московский университет в 1925 году, работала на ответственных должностях в центральных городах СССР, например, нарсудьей в Москве, прокурором Юго-Осетинской области, секретарем парткома нефтеперегонного завода в г. Баку, в аппаратах Закавказского краевого комитета ВКП(б), Тбилисского комитета и ЦК КП Грузии, затем старшим научным сотрудником в Госмузее Юго-Осетии. Между

тем В.Д.Ванеев, который общался с О.С. Плиевой после освобождения из лагеря, заметит, что это был человек, перенесший глубокую психологическую драму: «Две мои встречи с Ольгой Семеновной ... оставили в душе моей тяжелый след – при наших встречах она все время плакала, вспоминая погибших близких ей людей. Эти воспоминания влияли на нее весьма отрицательно...» [6, с. 171].

Составители справочника «Воспоминания участников гражданской войны в Юго-Осетии 1917–1921 гг.» увековечили борьбу и память пламенных большевиков и революционеров, горячо преданных своему делу, в то время, как многие из них были репрессированы и погибли как «враги народа». Этот термин в Советской России не требовал никаких доказательств неправоты людей, но позволял легко подвергнуть репрессиям с нарушением всех норм законности. Он также исключал возможность какого-либо оправдания, поэтому составители молчаливо указывают на дату смерти, так как в югоосетинском обществе живы были воспоминания о 1937 году. Следовательно, для читателей справочника не составило труда понять обстоятельства гибели многих активных революционных борцов.

Первым, кто в югоосетинской науке поднял вопрос о репрессиях, был Владимир Дмитриевич Ванеев (1930–2015). Осетия знает его как писателя, драматурга, ученого. Реформы 90-х годов позволили открыть архивы, и в 2005 году В.Д. Ванееву удалось опубликовать в Южной Осетии книгу-справочник о репрессированных «Люди, помните о нас», а в 2012 году – книгу «Белые облака на черном небосклоне». Его работы стали началом освещения и изучения репрессий в югоосетинской науке. Эта тема продолжает оставаться в наши дни "неудобной", так как в силу политических обстоятельств в социуме привыкли об этом молчать и не вспоминать.

В.Д. Ванеев использует документы, а также рассказы и воспоминания живых свидетелей тех событий. Работа его по сбору материала велась медленно, особенно до середины 80-х годов, из-за секретности архива. Кроме того, необходимые материалы находились в КГБ Грузии, доступ к которым закрыт и по сей день.

За достоверными сведениями историк обращался к оставшимся в живых репрессированным или же к их родным, но информацию от них он получил скудную: «Долгое пребывание в концентрационных лагерях окончательно высушило их души, они уже были не здоровыми людьми, а представляли собой тень изможденного, уже никому не верившего человека. Страх, невыносимый страх окутал их цепью, не давал им уже развернуться и начать жизнь полноправного гражданина. Этот страх не покинул их, он остался с ними на всю жизнь» [5, с. 171]. Родные и близкие репрессированных, стойко перенесшие весь ужас сталинского режима, неохотно делились воспоминаниями. Сами репрессированные также не любили вспоминать о жизни в местах заключения. Как правило, они редко делились воспоминаниями о том времени даже с родными, зачастую о многом из тяжелого прошлого не знали даже их дети.

«Вплоть до наших дней сохраняется представление о репрессиях как о борьбе с врагами отечества, вредителями и враждебными государству классами – ку-

лаками, буржуями, попами и др. Жертвы террора обезличивались и превращались в контрреволюционные элементы. Они не имели лица, имени, профессии, они обозначались «контрой» или имели номерной лагерьный знак» [7, с. 270–271]. Обезличивание их, ущемление прав на жизнь, свободу, унижение и содержание в нечеловеческих условиях несправедливо осужденных способствовало если не физическому, то, в конечном счете, психологическому излому.

Поднять сведения, остановиться отдельно на каждом, привести скудные, но хоть какие-то библиографические сведения, рассказать о сломанной судьбе – задача большой исторической важности. Тем ценнее работа В.Д. Ванеева, который составил не просто пофамильный справочник репрессированных граждан. Автору удалось разыскать родных, собрать фотографии из семейных архивов, которые также нашли отражение в его книге «Люди, помните о нас». Тем самым В.Д. Ванеев расширяет рамки справочника, так как говорит о близких и родных репрессированных, чья жизнь также навсегда поделилась на «до» и «после» этапирования, расстрела, заключения. Процесс реабилитации «семьи врага народа» в социуме был тоже трудным, как с юридической, так и психологической точки зрения. Таким образом, перед нами оживают люди, которые в советский период были обезличены, мы видим в них ум, благородство и осознаем: каждый из них жил, творил, мог многое еще сделать для своей Родины, был просто счастлив в кругу семьи. Система безжалостно прошла по их судьбам, разрушила все, чем они жили и дорожили.

В своей автобиографической книге «Белые облака на черном небосклоне» В.Д. Ванеев раскрывает жизнь советской югоосетинской политической элиты и народа в 40-е годы, когда напуганные террором люди терпели национальную дискриминацию со стороны властей ГССР, в то время, когда выражение инакомыслия, малейшее возражение, тем более сопротивление объявлялись национализмом и наказывались по всей строгости закона того времени.

В августе 1951 г. за «осетинский национализм» были осуждены молодые люди Юго-Осетинской автономной области: студенты Владимир Ванеев (25 лет тюрьмы), Лев Гассиев (10 лет тюрьмы), Георгий Бекоев (10 лет тюрьмы), служащий Заур Джиев (10 лет тюрьмы) и ученик 10 класса Хазби Габуев. Они создали подпольную молодежно-патриотическую организацию «Рæстдзинад» («Справедливость»), ставившую своей задачей борьбу против грузинизации осетинского народа. «Мы не признали себя виновными. Как они ни старались ... мы не отказались от своей идеи. Все в один голос говорили, что это наш народ, гибнет наша культура, а мы ее защищаем» [8]. Юноши были осуждены. В книге «Белые облака на черном небосклоне» В.Д. Ванеев изнутри описывает ужасы пенитенциарной системы того времени.

Работы В.Д. Ванеева дали свои плоды, появляется ряд интересных статей в периодической печати. Вышло в свет несколько работ научного и публицистического характера, в которых на местном материале отражены некоторые аспекты карательной политики, описаны судьбы безвинно репрессированных жителей.

Таковы, например, работы Ю.В. Цховребова «Южная Осетия и трагический 1937 год», К.Г. Дзугаева «Южная Осетия и Большой террор в Советской Грузии», «Сталинские расстрельные списки» и репрессии 1937–1938 года в Южной Осетии», В.Д. Дзидзоева, К.Г. Дзугаева «1937 год в Южной Осетии».

Согласно исследователям, точное число репрессированных из Южной Осетии «не установлено, известно пока более четырехсот человек» [9, с. 23–30]. При этом на базе региональной историографии слабо, но обозначилось некоторое противоречие в науке. Так, если у В.Д. Ванеева ответственность за репрессии возлагается на И. Сталина, то в работах К.Г. Дзугаева вина перекладывается на окружение вождя, конкретных личностей, пробравшихся в органы НКВД. «Именно эти преступники ответственны за грубейшие нарушения законности и гибель многих невинных, честных и достойных граждан СССР. Борьба с ними, с этими врагами, как это нетрудно понять, была беспощадной, не на жизнь, а на смерть, и сталинской группировке удалось одержать победу в этой схватке – победу, во многом предопределившую Победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Об ожесточенности этой внутренней войны свидетельствует, например, такой красноречивый факт: из восьми сотрудников НКВД, формировавших списки, шесть человек были расстреляны в 1938–1940 годах, а двое покончили с собой. Расстрелян был и нарком Н. Ежов» [10, с. 51–52].

В осетинской историографии новейшего времени актуальны работы В.Д. Дзидзоева, К.Г. Дзугаева «Осетия в ретроспективе грузино-осетинских отношений» (2007 г.), М.М. Блиева «Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений», К.Г. Дзугаева «Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936 г.)» (2018 г.), в которых освещаются исторические аспекты осетино-грузинского взаимодействия, раскрывающие суть постсоветских политических конфликтов. История южных осетин на протяжении двух последних веков раскрывается через призму национально-освободительного движения и ключевых этапов борьбы за независимость.

В работах В.Д. Дзидзоева, К.Г. Дзугаева тема сталинских репрессий рассматривается в качестве очередного этапа борьбы за национальное самоопределение. Эта позиция обоснована К.Г. Дзугаевым в монографии «Понятие «окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936 г.)». Автор связывает репрессивную политику с националистической идеей объединения Южной и Северной Осетии, за которую ратовали в 1936 году активисты, интеллигенция области. Он проводит прямую связь и отмечает, что в 1937 году под репрессивную машину попадают те люди, которые поднимали вопрос об отторжении Юго-Осетии от Грузии и воссоединении ее с Северной Осетией. В период обсуждения Конституции СССР и до ее принятия 6 декабря 1936 года социально активные борцы за национальную идею ставят вопрос об единстве Осетии. Однако у грузинского руководства подобные настроения и намерения в Юго-Осетинской автономной области вызвали беспокойство. В результате в г. Сталинир приезжает секретарь

ЦК КП (б) Г. Бакрадзе, который созывает расширенное заседание бюро обкома. После выступления заранее подготовленных людей вопрос об объединении Осетии признается антипартийным и националистическим. К.Г. Дзугаев замечает: «То есть то, что в 1920 году было предметом вооруженной борьбы с грузинскими меньшевиками, что в 1925 году принималось к рассмотрению И. Сталиным как возможный вариант решения проблемы, и что даже еще в 1936 году воспринималось пусть как ошибочное и недопустимое, но все же партийно-коллегияльное предложение, теперь уже, в 1937 году, для грузинских властей стало уголовно наказуемым преступлением, и Москва в рамках новых "правил игры" молчаливо с этим согласилась» [11, с. 51].

Под пристальное внимание властей Грузии попадают носители идеи воссоединения Осетии. 1937 год становится временем подавления и расправы над патриотами Юго-Осетии, которые с момента установления Советской власти по 1936 год отстаивали национальные интересы народа: «в 1937 году, после получения приказов из Москвы о проведении массовых репрессий, грузинское НКВД приступает к поголовному физическому уничтожению осетин, на которых имелась сколь-нибудь значимая информация об их деятельности по защите осетинских интересов» [11, с. 87].

С этим мнением согласны многие историки, современные публицисты. В советский период «выросли кадры интеллигенции, лучшие и наиболее одаренные из которых были репрессированы в 1937 г. Этому немало способствовали и грузинские спецслужбы, выдавая за врагов народа «осетинских националистов», тех, кто пытался ставить вопрос о строительстве перевальной дороги, и т. д.» [12, с. 7].

В таком же ракурсе карательная политика обозначена у исследователей Абхазии, согласно которым репрессиям подвергались лица, которые сопротивлялись политике национального ущемления. В качестве яркого примера приводится трагическая судьба руководителя Абхазии Н. Лакоба и членов его семьи. «По данным прокуратуры Абхазии, за 1937–1938 гг. в автономной республике репрессировано и арестовано более 2 тысяч человек, из которых 749 человек расстреляны... К сведению, подавляющее большинство репрессированных ответственных работников были бывшие "киаразовцы", т. е. члены революционного движения "Киараз", способствовавшего изгнанию грузинских оккупантов из Абхазии в 1921 году» [13, с. 12].

Таким образом, в современной историографии Южной Осетии «неудобные темы» – геноцид 1920 года и репрессии 1930-х годов – начинают освещаться в начале XXI столетия. Политика демократизации общественной жизни и «гласности», обострение отношений с Грузией позволили признать и открыто обсуждать эти проблемы как в обществе, так и в науке.

Тема геноцида 1920 года в трудах осетинских исследователей находит свою объективную оценку. Долгое время трагические события Южной Осетии расценивались как исключительно классовая борьба. Современная историография документально обосновывает и характеризует восстание южных осетин как национально-освободительное, а кровавую расправу над ними – как геноцид.

Историографический и источниковедческий анализ материала Республики Южная Осетия свидетельствует о том, что репрессии 1930-х годов также относятся к «неудобной теме», которая, в отличие от геноцида 1920 года, не получила еще должного изучения в научной литературе. Выпадают из поля зрения события коллективизации, в частности раскулачивание, которое является началом массовых репрессий, а сама коллективизация – результатом огосударствления и централизации экономики СССР. Опубликованные региональные труды однобоки в рассмотрении вопроса, так как 1937 год расценивается как культурный геноцид, этническая чистка со стороны ГССР: «Многие были запуганы бездушной и беспощадной машиной террора грузинского государства. И этот страх в значительной степени передался и последующим поколениям, породив приспособленчество и угодничество перед грузинскими властями, уход от гражданственности – в быт, в решение своих житейских задач...» [14]. На наш взгляд, это был, в первую очередь, террор советский, а не только не грузинский, который спровоцировал напряженность межнациональных отношений в Южной Осетии, кумулятивно усугубив ее и позволив одним

нациям подавлять другую. Тема репрессий рассматривается с отрывом от советской действительности, и акцент ставится на этнической чистке, а значит, освещается однобоко. Мы не отрицаем момента этничности, однако не стоит забывать, что все это происходило в условиях острой внутривластной борьбы и сложной международной обстановки. Следовательно, объективное и комплексное изучение данного вопроса остается открытым и перспективным в югоосетинской историографии.

Объективное изучение «неудобных тем» позволило раскрыть причины грузино-осетинского конфликта 90-х годов, наиболее полно осмыслить первопричины современных противоречий между двумя нациями. Политическое бесправие и национальная дискриминация южных осетин обостряли непростые отношения с Грузией. Совместить несовместимое, как показывает проделанный анализ историографического материала, было невозможно. Сложно было в обозначенных условиях найти компромисс, соединить право осетинской нации на самоопределение в условиях жесткого курса руководства ГССР на сохранение территориальной целостности и неделимости республики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Санакоев И.Б. Истоки и факторы эволюции грузино-осетинского конфликта (1989–1992 гг.) / Сев.-Осет. инс-т гуманитарных и соц. исслед. им. В.И. Абаева. Владикав. науч. Центра РАН и Правительства РСО-Алания. – Владикавказ: Республиканское изд.-полиграф. предпр. им. В.А. Гассиева, 2004.
2. Тадтаев Т.В. Национально-освободительная борьба в Южной Осетии в начале XX века (1900–1922 гг.). – Цхинвал, 2014.
3. Пухаев К.П. История геноцида осетин в 1920 году. – Цхинвал.: Дом печати РЮО, 2020.
4. Гатикоев Г.Р. Южная Осетия в борьбе за национальное самоопределение (1917–1922 гг.). – Цхинвал: Изд-во «Дом печати РЮО», 2020.
5. Борцы революционного движения в Юго-Осетии. Посвящается 70-летию Великой Октябрьской социологической революции / Сост. И.Н. Цховребов, А.В. Джигоев, З.Н. Кокоева. – Цхинвал: Ирystон, 1987.
6. Ванеев В.Д. Люди, помните о нас. – Цхинвал: «Южная Осетия», 2005.
7. Гассиева М.А. В.Д. Ванеев и тема репрессий // Перспективы развития АПК в современных условиях. Материалы 10-й Международной научно-практической конференции. – Владикавказ, 2021. Часть II.

8. Ванеев В.Д. Это было неслыханное рабство для нас // Электронный ресурс. ekhokavkaza.com. (дата обращения 19.11.2021)
9. Дзидзоев В.Д., Дзугаев К.Г. 1937 год в Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра, 2007. № 1. т. 7.
10. Дзугаев К.Г. «Сталинские расстрельные списки» и репрессии 1937–1938 гг. в Южной Осетии // Вестник Владикавказского научного центра, 2020. № 4.
11. Дзугаев К.Г. Понятие «Окна возможностей» применительно к интеграционно-воссоединительному процессу Осетии (1936 г.): Монография. – Цхинвал – Владикавказ: Юго-Осетинский научно-исследовательский институт им. З.В. Ванеева; ИП Цопанова А.Ю., 2018.
12. Чибиров А.Л. Южная Осетия: тернистый путь к признанию независимости // Вестник Владикавказского научного центра. № 1, 2009.
13. Аргун Ю.Г. Геноцид абхазов. – Сухум: Изд-во «Алашара», 1998.
14. Репрессии 1937 года – эпизод геноцидной политической практики Грузии // Электронный ресурс. <https://cominf.org/node/1166526152>. (дата обращения 21.11.2021)

REFERENCES

1. Sanakoev I.B. Istoki i faktory evolyutsii gruzino-osetinskogo konflikta (1989–1992 gg.) / Sev.-Oset. ins-t gumanitarnykh i sots. issled. im. V.I. Abaeva. Vladikav. nauch. Tsentra RAN i Pravitel'stva RSO-Alaniya. – Vladikavkaz: Respublikanskoe izd.-poligraf. predpr. im. V.A. Gassieva, 2004.
2. Tadtayev T.V. Natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Yuzhnoy Osetii v nachale XX veka (1900–1922 gg.). – Tskhinval, 2014.
3. Pukhaev K.P. Istoriya genotsida osetin v 1920 godu. – Tskhinval.: Dom pechaty RYuO., 2020.
4. Gatikoev G.R. Yuzhnaya Osetiya v bor'be za natsional'noe samoopredelenie (1917–1922 gg.). – Tskhinval: Izd-vo «Dom pechaty RYuO», 2020.
5. Bortsy revolyutsionnogo dvizheniya v Yugo-Osetii. Posvyashchaetsya 70-letiyu Velikoy Oktyabr'skoy sotsiologicheskoy revolyutsii. / Sost. I.N. Tskhovrebov, A.V. Dzhiyoev, Z.N. Kokoeva. – Tskhinval.: Iryston, 1987.
6. Vaneev V.D. Lyudi, pomnite o nas. – Tskhinval.: «Yuzhnaya Osetiya», 2005.
7. Gassieva M.A. V.D. Vaneev i tema repressiy // Perspektivy razvitiya APK v sovremennykh usloviyakh. Materialy 10-y Mezhdunarodnoy

- nauchno-prakticheskoy konferentsii. – Vladikavkaz, 2021. Chast' II.
8. Vaneev V.D. Eto bylo neslykhannoe rabstvo dlya nas // Elektronnyy resurs. ekhokavkaza.com. (data obrashcheniya 19.11.2021)
9. Didzoev V.D., Dzugaev K.G. 1937 god v Yuzhnoy Osetii // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra, 2007. №1. t. 7.
10. Dzugaev K.G. «Stalinskie rasstrel'nye spiski» i repressii 1937–1938 gg. v Yuzhnoy Osetii // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra, 2020. №4.
11. Dzugaev K.G. Ponyatie «Okna vozmozhnostey» primenitel'no k integratsionno-vossoedinitel'nomu protsessu Osetii (1936 g.): Monografiya. – Tskhinval-Vladikavkaz: Yugo-Osetinskiy nauchno-issledovatel'skiy institut im. Z.V. Vaneeva; IP Tsopanova A.Yu., 2018.
12. Chibirov A.L. Yuzhnaya Osetiya: ternistyy put' k priznaniyu nezavisimosti // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo tsentra. № 1, 2009.
13. Argun Yu.G. Genotsid abkhazov. – Sukhum: Izd-vo «Alashara», 1998.
14. Repressii 1937 goda – epizod genotsidnoy politicheskoy praktiki Gruzii // Elektronnyy resurs. <https://cominf.org/node/1166526152>. (data obrashcheniya 21.11.2021)